

Е. А. Кашина

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Книга вторая. Великий Восток

Е. А. Кашина

**Свет во тьме. Книга
вторая. Великий Восток**

«Издательские решения»

Кашина Е. А.

Свет во тьме. Книга вторая. Великий Восток / Е. А. Кашина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961700-2

По полуразрушенным древним горным выработкам трудный переход через границу двух миров. Жизнь главной героини в совершенно незнакомом ей мире. И там жизнь её полна житейских сложностей и горя, но отзывчивое доброжелательное отношение окружающих людей делает её счастливой.

ISBN 978-5-44-961700-2

© Кашина Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Свет во тьме

Книга вторая. Великий Восток

Е. А. Кашина

*«И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его»
/ Евангелие от Иоанна 1:5 /*

© Е. А. Кашина, 2019

ISBN 978-5-4496-1700-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0225-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

По стенам подземного хода сочилась вода. В застоялом воздухе дышалось трудно. Шли молча, слышалось только шарканье ног да, иногда, хныканье детей. Местами проход был настолько узким, что приходилось продвигаться по одному, и тогда нападал первобытный страх: казалось, стены сомкнутся и раздавят. Представление о времени утратилось, одним казалось, что еще полдень, другие считали, что уже наступила ночь, но, по тому, как устали, понимали, что преодолели длинный путь. Наконец дошли до выхода в ущелье. В конец колонны последовала команда остановиться.

Диакон осторожно выбрался на поверхность, негромко свистнул и тотчас услышал ответный свист. Оставленный дозорный доложил, что в ущелье тихо и спокойно.

Люди выходили на поверхность, усаживались на камни, чувствуя облегчение, полной грудью вдыхали чистый, напитанный прелью воздух, и, озираясь, пугливо вслушивались в дремотную осеннюю тишину. По низкому осеннему небу тянулись серые тучи. Быстро темнело.

Ущелье со всех сторон обступали пологие, поросшие смешанным лесом и кустарником невысокие горы. В одной из них находились две соединённые между собой пещеры: одна небольшая с высоким сводом, другая – огромная, низкая, бесформенная, с выступами и местами почти до верха заваленная грудами камней. В её дальнем конце, образуя большую лужу, стекала по стене и просачивалась в щели каменного пола вода. Вход в пещеры был замаскирован каменными глыбами, а время дополнительно спрятало его: вокруг всё густо поросло деревьями и кустарником.

В сгущающихся сумерках дошли до пещер. Раздвигая кусты, через узкую расщелину по одному протиснулись в первую пещеру. Диакон включил фонарь, положил его на из сухостоя грубо сколоченный стол возле входа. Окружив большой толпой, все ждали, что он скажет.

– Ну, кажется, дошли.... У кого котелок, что дал батюшка? Детям дозорные сварят кашу. Если есть ложки, миски – оставьте здесь. Пойдёмте устраиваться.

Дозорный уже зажёл над столом лучину и разводил костерок. Взяв со стола пучок дозорными заранее наструганных лучин, диакон направился в проход, соединяющий пещеры. Во второй пещере фонарём осветил в противоположные стороны:

– Там будут спать мужчины, а там – женщины. Зажгите лучины и размещайтесь.

Зажгли лучины, закрепили их в расщелинах стен и стали располагаться на ночлег: одни развязывали узлы и расстилали одеяла, другие – снимали с себя и стелили куртки.

Несмотря на усталость, Кате не спалось. Облегчения от того, что они далеко ушли от карателей она не чувствовала, тревожила мысль: что будет с ними, что их ждёт? Рядом, также без сна, лежали женщины: слышались кашель, вздохи. Когда в ущелье стало светло, в пещеру через невидимые снаружи щели стал проникать тусклый свет. В полумраке вырисовались каменные глыбы и кучи щебёнки. За ними таилась темнота.

* * *

Диакон разбил людей на бригады, назначил бригадиров, организовал очередность дежурства у выхода из пещер, запретив всем, кроме дежурных, выходить из них. И, как оказалось, поступил предусмотрительно: вскоре над ущельем, снизившись, пролетел аэролёт-разведчик.

Утром следующего дня диакон подозвал Катю и приказал следовать за ним. В лесной тишине, стараясь не шуршать листвой, ковром лежащей на земле, они около часа молча пробирались среди деревьев, кустарников и камней. Диакон уверенно вёл её к небольшой каменной нише в горе, случайно обнаруженной им, когда он, ещё в пору своей юности, жил здесь в затворе. Тогда, однажды, его, возвращавшегося с тайного огорода в пещеру, где он обитал, в этом месте застала сильная гроза с ветром и ливнем. Поспешно подыскивая место, где бы укрыться, он, среди кустов на склоне горы, обнаружил каменное углубление и забрался в него. Там оказалось просторно, он улёгся и незаметно для себя уснул. Гремел гром, сверкали молнии, с каменного навеса над нишей на дно ущелья потоками стекала вода, а он крепко и мирно спал. Проснулся среди ночи, прислушался, выглянул из укрытия. Гроза прошла, но идти в темноте по сырой траве не захотелось, в нише же было сухо и тепло. Достал из кармана фонарь, осветил возле себя: лежал на набившейся сюда сухой листве и перьях птиц – остатках еды хищников. Свет спугнул мышь. Прошелестев по листьям, она юркнула в щель. Направил свет вверх и на гладкой каменной поверхности увидел большой – во весь потолок, непонятный рисунок, нанесённый красной краской. Забыв о сне, рассматривал линии рисунка и написанные слова. После этого, он иногда забирался сюда, чтобы передохнуть на пути с огорода, и всякий раз подолгу рассматривал рисунок на потолке, остро сожалея, что не умеет читать.

Наконец добрались до места, свернули к горе, невысоко поднялись на пологий склон, поросший кустарником и высохшим колючим бурьяном.

– Дошли, – указал диакон на низкую щель среди нагромождения камней и, опустившись на колени, неловко протиснулся в неё.

Отодвинулся вглубь, позвал:

– Лезь сюда, дочка.

Катя на четвереньках забралась в нишу, внутри оказавшуюся низкой, но глубокой, и улеглась рядом с ним на сухие листья. Диакон направил свет на потолок:

– Что здесь нарисовано?

Она долго рассматривала. Сгорбившись под нависающим потолком, он терпеливо ждал. Наконец неуверенно произнесла:

– Похоже на карту какого-то маршрута...

Подняла сухую ветку, обломив и, указывая, стала объяснять:

– Вот ущелье, где мы находимся, вот наши пещеры. Из дальнего конца большой пещеры наклонно спускается ход... Если идти в направлении, указанном стрелкой, есть отводы, в которые не следует заворачивать. Видите: перечёркнутые стрелки. Вот здесь выход на поверхность, а дальше опять спуск под землю.

– А куда ведёт путь?

Она посмотрела в конец чертежа.

– Не знаю... Пойдите! Вот в углу нарисована магнитная стрелка. Направление вначале на северо-восток, а в конце – крутой поворот на восток... – и, потрясенно глядя на диакона, прошептала, – не за Урал ли?!...

– Ещё раз внимательно посмотри и прочитай всё, что написано, – скрывая волнение, хрипло произнёс диакон. – А долгий ли путь?

– Вот масштаб..., нужна линейка..., я сейчас прикину. Приблизительно... Больше тридцати километров..., – упавшим голосом проговорила через некоторое время.

Весь обратный путь диакон о чём-то напряжённо думал. Только и произнёс – в начале пути:

– Запоминай дорогу...

Да в конце его:

– Никому про карту не рассказывай.

– Даже Ивану?

– И Ивану.

Взваливший на себя руководство этими людьми диакон, не находя ни днём, ни ночью покоя, искал выход из сложившегося положения. Угнетало чувство безысходности, загнанности, мучили мысли: сколько смогут они продержаться в пещерах, что будет с ними всеми, если их обнаружат? Своей горячей надеждой, что на карте нанесён маршрут ухода за Урал, Катя, невольно, подтолкнула его к решению проверить этот маршрут. В тягостных раздумьях ночами сидя за столом, он обдумывал, как выполнить это. В глубине души он надеялся, что маршрут, действительно, ведёт за Урал. Но если это не так, убеждал он себя, то хотя бы появится возможность увести людей подальше от этих мест.

Перед наступлением рассвета диакон разбудил Катю:

– Вставай, дочка, дело есть...

Открыв глаза, Катя увидела склонившегося над ней дьякона с горящей лучиной в поднятой руке.

Уселись за столом.

– Надо перерисовать карту. Сможешь?

– А на чём? Нет ни бумаги, ни карандаша..., – ещё не до конца проснувшаяся, подавила зевок.

– Вот на этих досках, – пододвинул к ней лежащие на столе две гладко обструганные небольшие дощечки. Ночью он выбрал их из кучи найденных в пещере полуистлевших досок, приготовленных на лучины, и, зная, что всё равно не сможет уснуть, до утра обстругивал их.

– Рисовать будешь ножом, а потом вырезанные бороздки натрем угольками и будет ясно видно. Сумеешь точно перерисовать, чтобы было так понятно, как ты мне объяснял?

– Сумею.

– Вот и славно. Особо отметь место, где в пещере искать начало хода.

Оделась. В консервную банку диакон налил ей кипятка, подал сухарь и лежащий на столе пакетик:

– Вот тебе еда на весь день... Возвращайся, только когда наступит темнота. Отправляйся с Богом.

Когда быстро дошагала до места и забралась в нишу, совсем развиднелось. Испугав мышей, подгребла под себя сухие листья, прислонилась спиной к каменной стене, примостилась удобней, включила фонарик, направила свет в потолок и взяла в руки одну из досок. Разглядывая её, тщательно обструганную, подумала, что диакон, похоже, совсем не ложился спать.

Первую копию она испортила; перевернула доску и снова начала переносить рисунок чертежа. Вместо надписей придумала обозначения: «тупик» – две чёрточки, «выход на поверхность» – стрелка вверх и т. п. Устали спина и шея. Сделала одну копию, перекусила и улеглась на листьях. На одной стороне второй доски нанесла чертеж с надписями, а на другой её стороне крупно изобразила пещеру со всеми её выступами и поворотами и постаралась точнее указать место, где должен находиться вход в тайный ход. Подождала, когда наступят сумерки, и пустилась в обратный путь.

Дозорный возле входа на её вопрос:

– Где начальник?

Ответил:

– На службе. За женской половиной теперь у нас церковь. Тебе велено идти туда.

И, навалившись на камень у входа, попросил:

– Подсоби. Мужики обнаружили, что вход закрывается.

Вдвоём закрыли вход, и Катя с лучиной, зажжённой от горящей над столом, направилась во вторую пещеру.

За отведенным женщинам местом – куча листьев, с расстеленными на них одеялами и куртками, находился каменный выступ. Завернув за него, она увидела сидящих на камнях людей, освещённых горящими лучинами. Угол пещеры освободили от камней, из обструганных стволов деревьев смастерили большой крест, на стену повесили икону. Когда Катя подошла, служба уже закончилась, а все – мужчины, женщины и дети, усевшись вокруг сидящего на камне диакона, слушали проповедь:

Диакон говорил:

– К женщине мужчина должен относиться с полным уважением, не греховно, как к равной. Сказано: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём».

– Баба, она и есть баба. Как ещё на неё смотреть. – Пренебрежительно махнул рукой разбитной малый из общегития, известный своими любовными похождениями. – Она и сделана-то из мужского ребра.

– Действительно, сказано, что Адама Бог создал из праха земного, а Еву из его ребра. А почему?

– А почему? – прищурился малый.

– Что сложнее: прах земной или кость человеческая? Знать, из праха земного женщину было не создать – не тот материал. Вот и подумай!

– Да... – покрутил головой парень.

– Женщина ведь мать. У всех нас была мать. А вы ругаетесь по матерному... Оскорбляете сразу трёх матерей: мать-родительницу, Родину-мать, Мать Божью Заступницу. А она слышит всё и огорчается...

– Неужто, слышит?

– А то нет! – сердито повернулся к парню степенный мужик из семейных.

– Или вот ещё что, – увидев подошедшую Катю, и, улыбнувшись ей, продолжил диакон. – Что это вы друг друга по кличкам зовёте, а не по именам, данным при крещении? Как вот вас называют, – спросил сидящую рядом и внимательно слушающую, статную и красивую женщину.

– Звёздочка.

– А по-настоящему?

– Анастасия.

– Анастасия, Настя. Или: что это за прозвище – Копейка? – все посмотрели на стоящую возле каменной кручи Катю. – Да Кате цены нет – столько она для нас делает... Клички надо забыть, звать друг друга по именам, – заключил твёрдо.

Потом напомнил, что без его разрешения запрещает выходить из пещер, а вход в них постоянно держать закрытым; возле входа днём и ночью будет дежурство. Напоследок предупредил:

– Если, не дай Бог, кто-то будет схвачен, нужно говорить, что в ущелье попал случайно, когда убегал, куда глаза глядят.

Потом диакон отправил несколько мужчин в темноте набрать в лесу листьев, да так, чтобы было незаметно, не оставляя на земле голых мест, и засыпать ими уже слегка утопанные подходы к пещерам. Остальным велел отдыхать: женщины весь день расчищали место под церковь, мужчины в мокром месте пещеры сооружали подобие бассейна с проточной водой, где можно будет помыться.

* * *

Каждую дощечку диакон натёр сажей из костра, старательно протёр их тряпочкой, и рисунки стали чёткими. Удовлетворенный, вернулся к сидящей на лавке Кате.

– Точно перерисовала?

Кивнула, взяла из его рук дощечку и стала подробно объяснять, как слова на чертеже заменила условными обозначениями. Он перевернул доску, ещё раз протёр рукавом и принялся рассматривать рисунок пещеры. Потом приказал:

– Позови Ивана.

Весь день он приглядывался к мужчинам и решал, кого отправить на разведку маршрута.

Пришли Иван и Катя, уселись на лавку напротив него.

– Нога у тебя поджила?

– Плясать пока не могу, а бегать – хоть сейчас, – сидя, Иван шутиливо топнул искалеченной ногой.

– Дальний путь пройти сможешь? – сурово глянул на него, развеселившегося не ко времени.

– Если нужно – смогу, – посерьёзнул и Иван.

– Вот карта маршрута. Нужно узнать, куда он ведёт. Идти далеко и почти всё время под землёй. Пройти будет трудно, но другого выхода у нас нет. Пойдёшь командиром. Давай подберём тебе в отряд несколько человек.

Подумав, Иван предложил Негра и младшего грузчика, как людей знакомых с жизнью в подземельях. Начальник лагеря назвал ещё двух степенных мужчин из семейных.

– Завтра с утра займись обучением их обращению с оружием. Оружие дадим каждому... Нам, в случае беды, оно все равно не поможет... А ты, Катя, сделай копии чертежей для каждого в отряде. Дощечки надо будет взять поменьше этих, – хлопнул ладонью по лежащим на столе доскам с нанесенным чертежом. Прямо с утра займись. Иван обстругает.

С замиранием сердца слушавшая их разговор, Катя вдруг испугалась: не допустила ли в копиях какую-нибудь неточность и предложила:

– Лучше я на месте еще раз срисую...

– Тогда вы сейчас займитесь дощечками. А тебя, дочка, завтра я опять подниму чуть свет.

Пещера была огромной. Похоже, это была часть горной выработки, отрезанная обвалившимся сводом и в этой её части щелей в потолке не было. Горящие сухие палки света давали мало, а несколько небольших фонариков с солнечными батарейками, с которыми пришли рабочие, требовали перезарядки. У них были ещё два мощных фонаря с энергобатареями, взятые в церкви, однако, диакон берёт их на непредвиденный случай. В полутьме они никак не могли сориентироваться среди выступов и каменных завалов и найти место начала тайного хода.

К усталому и утомлённому безрезультатностью поисков, работавшему вместе со всеми диакону, освещая путь лучиной, прибежал дежуривший у выхода из пещер, и доложил, что только что низко над ущельем пролетел аэролёт.

– Выход закрыли?

Встревоженный диакон заспешил в первую пещеру. Там его уже поджидали испуганные женщины, слышавшие гул мотора. Диакон приказал прекратить работы и соблюдать тишину. Чутко прислушиваясь, лагерь притих. Спустя некоторое время один за другим ещё дважды пророкотали аэролёты.

Стемнело. Приоткрыли вход и поджидали Катю. Наступила ночь, а она всё не приходила.

– Опять летят... – прошептал дозорный, наваливаясь на камень, закрывающий вход.

Уже не один час Иван не отходил от закрытого входа и пытался уловить снаружи хоть какие-то звуки. Наконец диакон решил, подошёл к нему:

– Иван, приоткрой...

Иван и дозорный немного отодвинули камень. Дохнуло ночной прохладой, стало слышно, как в ущелье по опавшим листьям шелестит дождь.

– Разрешите пойти ей навстречу, – больше не в силах ждать, попросил Иван.

– Иди... Но, учти: проход закрыт... Если попадёте, дорогу сюда забудьте.

– Ясно.

Ещё не рассвело, а Катя уже сидела в нише и трудилась. Перенесла схему на дощечки. Устала сидеть согнувшись, и, выключив фонарь, улеглась на краю выхода из ниши. День стоял тихий, пасмурный; над горами нависали серые осенние тучи, явственно пахло прелью и грибами. Внезапно в тишине почудился шум двигателя. Тревожно прислушалась. Шум быстро нарастал. Поспешно отодвинулась к стене в полого спускающееся углубление и испуганно замерла. Почти задевая верхушки деревьев, низко пролетел маленький аэролёт-разведчик. На мгновение промелькнула его тень и оглушил рёв мотора. В страхе вдавилась телом в камень и, боясь пошевелиться, лежала, напряжённо вслушиваясь в тишину ущелья. Потом опять низко пролетел аэролёт и почти следом за ним – второй. От мысли, что лагерь обнаружили, всех уже арестовали, увезли, а она осталась одна, сковал ужас. Отчаяние, страх, мысли – что же делать: она то решала выбраться и идти к лагерю – пусть и её схватят, то рождалась надежда, что лагерь не обнаружили. Тогда возникало опасение, что, когда она будет возвращаться, её заметят и, проследив за ней, схватят всех. Измучившись от переживаний, она свернулась калачиком в глубине ниши и незаметно уснула. Возможно, это и спасло их, потому что в начале ночи над ущельем на малой скорости пролетел аэролёт-разведчик, оснащённый приборами ночного видения, проводивший аэросъёмку окрестных ущелий и гор, и её, возвращающуюся, непременно заметили бы.

Дрожа от холода, проснулась, высунула наружу голову и долго не решалась выбраться из своего укрытия. Наконец спрятала за пазуху дощечки с нанесённой схемой, собралась с духом и под морозящим дождём пошла, продираясь сквозь кусты, в темноте натываясь на камни.

По всем приметам здесь должен был находиться вход в пещеры. Ощупывая камни, она уже давно искала его, отходила и снова возвращалась к этому месту, уверенная, что, если лагерь не обнаружен, то Иван не спит, ждёт её. Подняла камень, хотела было стучать, но мысль, что, если каратели установили в ущелье пост, то явятся на стук, заставила осторожно положить камень на землю. Усталая и измученная, не зная, что делать, села на мокрый большой камень, и, подняв глаза к небу, с которого сыпал дождь, с мольбой повторяла про себя: «Иисусе Христе, Иисусе Христе, Иисусе Христе...» Рядом хрустнула ветка, показалось, что кто-то крадёт. Как мышь, замерла в смертельном страхе.

Иван в темноте налетел на камень, на котором она сидела. Схватил её и, не издав ни звука, быстро потащил за собой. Протиснулись во входную щель, которую дозорный ещё не успел закрыть. Привалили камень. Зажгли лучину. При её свете Катя стояла у входа, обхватив себя за плечи, и тряслась от холода и пережитого.

Диакон торопливо стал разводять костерок и кипятить воду. Иван усадил её на камень рядом с костром. Принес одеяло и укутал её.

– Слава тебе, Господи, пришла, – суетился диакон, снимая с огня котелок. Налил в жестяную банку горячую воду и подал вместе с сухарём.

Вспомнила, что не ела весь день, а пакетик с едой забыла в пещере.

Дожди прекратились, дни наступили солнечные, и диакон распорядился собрать все батарейки из фонариков и в укромном месте разместить их на подзарядку. А когда они заряди-

лись, наконец, нашли узкий проход, заваленный камнями. Несколько дней были заняты его расчисткой.

Отряд разведчиков экипировали всем миром: каждому подобрали крепкую обувь и одежду; из всего, что можно было использовать, сплели веревки и сшили всем по котомке.

Поздней ночью, когда все спали, диакон провожал отряд. Дойдя до входа в подземелье, остановились. Освещая фонарём, диакон осмотрел их: у каждого за поясом – оружие, на груди – фонарики, а у Ивана ещё и мощный фонарь, за спинами – котомки с едой и водой в пластиковых бутылках и сухие дощечки для лучин.

– Карту никто не забыл?

Благословил каждого иконой, дождался, когда в узкий проход протиснулся Негр, идущий замыкающим, и крестным знаменем осенил сам ход.

Освещая путь фонариком, и осторожно ступая по камням ногами, обутыми в рваные башмаки – свои, крепкие, он отдал Негру – понёс икону на место, во вновь обустроенную церковь. Пройдя небольшое расстояние, заметил навстречу ему плывущий в темноте огонёк. Подошёл мужчина из семейных:

– Ушли?

– Ушли... Чтобы людей не будоражить, ушли ночью. У них там теперь долго всё время будет ночь...

– Что же вы никого не подняли? Неправильно, что один ходите в темноте. Не дай Господь, что случится – что будем делать без вас? Не подумали? – попенял.

– Я привык к подземельям, – бодро возразил, а в груди его от добрых слов потеплело.

* * *

Диакон вырос в заводе. Его родители были людьми верующими и ещё малюткой в первый раз привели его в церковь. Лики святых на иконах, ангельское пение, просветлённые лица молящихся, атмосфера доброты и участия так подействовали на ребёнка, что, когда стали расходиться, малыш закапризничал, заплакал, не захотел уходить. Батюшка, тогда ещё совсем молодой, попросил родителей оставить его пожить с ним в церкви. Те согласились. Малыш бегал по церкви, резвился и старался помогать батюшке: подносил свечи, неумело подметал пол. Иногда батюшка находил его затихшим, подолгу в восторге широко распахнутыми глазами всматривающимся в лики на иконах.

Когда ему исполнилось восемь лет, погиб отец. Его затянуло в транспортёр и завалило рудой. Через год тяжело заболела мать. Её списали с завода, и они вернулись в деревню, из которой были выходцами. Жили на жалкое пособие да, чем могли, помогали родственники.

В деревню они вернулись поздней осенью. Всю зиму мать ждала весну. Лежала в стылой избе под кучей тряпья и мечтала увидеть зелёный луг, распутившиеся деревья, цветущие яблони. Мальчик никогда не видел этого и жадно слушал её рассказы. Слабым голосом, задыхаясь, мать рассказывала, как в детстве было весело ходить в лес и купаться в речке, как они с женихом – его будущим отцом, сидели под берёзой и считали звёзды. Мальчик стал нетерпеливо ждать наступления весны. Но ещё долго трещали морозы, а солнце золотило сугробы возле избы. На улицу он почти не выходил – не было одёжки. Потом к середине дня снег стал подтаивать, капало с крыш, а за ночь всё покрывалось ледяной коркой. Наконец солнце стало пригревать так, что змейками побежали ручьи, речка вздулась, поверх льда покрылась водой, а воздух стал свежим, острым. В душе мальчика нарастало ожидание чего-то непонятного, но, непременно, хорошего, радостного. Наконец, пришла пора пробуждения природы. Стало тепло, и мать целыми днями лежала во дворе на широкой лавке под деревом. Когда солнце светило ей в лицо и сын старался затенить его чем-нибудь, она делала знак – «не надо» и едва

заметно улыбалась. Она умерла днём, незаметно. Он сорвал первые полевые цветы, поймал бабочку и прибежал к ней, чтобы показать, порадовать, как делал всё это время, но она уже не дышала. Когда мать по деревне несли на кладбище, воздух благоухал запахом цветущей сирени.

Он остался сиротой. Староста деревни сказал: что с ним делать, куда определить, когда придет, будет решать управляющий слэйвун-хауса, а пока пусть живёт в своей избе, и кормится, как это принято, поочередно в каждом доме. Но через две недели с котомкой за плечами он ночью ушёл к батюшке в тайную церковь. Батюшка обрадовался ему, приласкал, принял, хотя и сам питался скудно.

Дни его проходили среди святых ликов и запаха ладана. Он молился целыми днями, и со временем всю службу стал знать наизусть. Глядя на него, батюшка удивлялся, радовался и любил его всей душой.

В шестнадцать лет он попросил благословения уйти в затвор в горы. Вот тогда батюшка и раскрыл ему тайну Дальних пещер, рассказал, как найти их, сказал, что теперь он делается хранителем этой тайны. Пещеры и ходы к ним были открыты более ста лет назад во время Русского бунта, долго бушевавшего в здешних местах, и подавленного большой кровью. В этих пещерах люди находили убежище от расправы, из них уходили на поиски путей за Каменный хребет к своим, русским, счастливо живущим в Сибири. Тайна пещер хранилась в церквах, только несколько священнослужителей знали об их существовании и могли указать к ним дорогу. Три года прожил он отшельником, проводя время в непрестанной молитве, питаясь лишь грибами, лесными ягодами и тем, что уродилось на огороде, который он тайно возделывал. Но однажды к нему неожиданно явился батюшка и рассказал о Посланнике, читающем Заветную книгу. Он заволновался, стал быстро собираться в путь. Батюшка глядел на него и радовался: он возмужал, окреп, от него веяло силой и спокойствием, глаза его светились умом.

Он много беседовал с Посланником, единственный выучил наизусть весь Новый Завет. Когда Посланник умер, он захотел вернуться в затвор, но батюшка часто хворал и потому не благословил на это, повелел служить в церкви и быть готовым принять иерейский сан.

Посланник учил: «вера без дел мертва», и за Божию правду нужно активно бороться: Господь помогает делающим, а не пассивно уповающим на Его помощь. По душевному складу и по убеждениям Диакон был борец, христов воин, а по уму и воле был способен руководить людьми. Видя растерянность людей, он вынужденно взял руководство на себя – больше некому, а взвалив тяжёлую ответственность, просто и естественно подчинил разрозненную толпу своей воле и авторитету, превращая её в организованный, дисциплинированный отряд.

Глава вторая

Через узкий проход отряд попал в круто спускающуюся штольню¹, а спустившись по ней, вышел в широкое пространство штрека². Пробираясь между целиками³ и каменными осыпями, натолкнулись на остатки рельсовой узкоколейки и уверенно пошагали, не боясь сбиться с направления. Утомившись, уселись отдыхать. Экономя их заряд, погасили фонари. Отдыхали недолго, но за это время потеряли направление движения и после отдыха пошли в обратную сторону, а поняли это, только когда вернулись к началу рельсового пути. Обескураженные, посоветовались и приняли решение в дальнейшем передвигаться, не теряя из вида правый бок горной выработки, в котором, согласно карте, должен находиться выход на поверхность.

Слабый свет фонарей из чёрноты подземелья выхватывал только небольшие пространства возле ног. Периодически луч фонаря направляли то на бок выработки, то на ее потолок. Обнаружив в боку проем входа в забой⁴ или на потолке выход вентиляционного шурфа⁵, останавливались и сверялись с картой, и совпадения с картой придавало им уверенности. Представление о времени утратилось, отсчёт его они стали вести по количеству привалов, которые устраивали, когда, выбившись из сил, валились спать. Гасили фонари, и темнота тотчас смыкалась вокруг них, обступала, делалась кромешной, а тишина, ощутимая до звона в ушах, – настороженной, подкарауливающей; но, провалившись в сон, они не испытывали страха.

Из-за того, что при скудном освещении много времени уходило, чтобы обойти завалы и подолгу брести по воде, понять какое пройдено расстояние было трудно. Когда показалось, что пройден уже большой путь, они стали идти, не теряя из вида бок выработки. Но в одном месте из-за большого завала из каменных глыб и щебёнки, перекрывшего ход почти до верха, им пришлось отойти от него. Обойдя, опять пошли, придерживаясь бока выработки, но осталось беспокойство: не пропустили ли за завалом проход в нужную штольню. Потом шли по хорошо сохранившемуся участку штрека среди подпирающих его кровлю столбообразных и ленточных целиков, оставленных в породе, и вышли к широкому проходу в штольню. Прошли широкую и длинную – в несколько километров штольню, подошли к взорванному выходу. Стали думать, как выбраться на поверхность. Заметили, что воздух рядом с завалом холодней, чем в штреке и штольне. Зажгли лучину и, ползая с ней по каменной круче, по колебанию пламени нашли место, откуда поступает холодный воздух. Долго растаскивали камни и, наконец, наверху кручи проделали дыру. Поочерёдно полежали, высунувшись из нее. На поверхности было холодно и пасмурно и не понять: утро или вечер. Кроме близко подступающих кустов и деревьев и серого неба ничего нельзя было разглядеть, но настроение было приподнятое: пройдена большая часть пути, карта маршрута оказалась верной, есть надежда пройти и остальную его часть. Дневной свет, вид неба и кустов приносили радость. Человек рождён под широким небом и не вмещается его душа под землёй...

Начало смеркаться. Посидев на каменной круче возле дыры, ночь решили провести в штольне.

¹ Штольня – горизонтальная или наклонная подземная горная выработка с непосредственным выходом на земную поверхность; предназначается для обслуживания подземных горных работ.

² Штрек – горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность.

³ Целики (ленточные и столбообразные) – участки при разработке месторождений, оставляемые нетронутыми для естественного поддержания крыши горной выработки.

⁴ Забой – поверхность, ограничивающая горную выработку и перемещающаяся в результате горных работ.

⁵ Шурф – вертикальная или наклонная подземная горная выработка, пройденная с земной поверхности для разведки, вентиляции, взрывных работ или других целей.

Всю ночь шёл затяжной мелкий дождь, к утру он прекратился, но небо оставалось затянутым низкими серыми тучами, сквозь которые светилось тусклое жёлтое пятно солнца. Голые деревья, кусты, камни, опавшие листья на земле – всё было мокрым; после тепла подземелья остро ощущался холод. Ориентируясь по солнцу, в направлении с запада на восток они пересекали поросшую мелкоколесьем широкую долину, у горизонта окружённую сопками. Согласно карте, следовало дойти до гор, повернуть на север и на краю начинающегося там ущелья в одной из гор, в месте, на карте обозначенном изображением дерева, найти вход в ещё одну систему горных выработок. Когда Катя объясняла им карту маршрута, то, указав на нарисованное ею дерево, пояснила, что на тайном рисунке в этом месте написано – «сосна» и рядом стрелка вниз, а что это означает – она не знает.

Заросшие кустарником и чахлыми деревьями полуразрушенные фундаменты зданий, остатки дорог и рельсовых путей, указывали на то, что когда-то в долине находился мощный горно-обогатительный комплекс.

Несколько часов шли не останавливаясь. Когда пересекли долину и дошли до невысоких гор, короткий осенний день уже заканчивался, и нужно было искать сухое место для ночлега. У подножья горы среди нагромождения каменных глыб заметили нависающий карниз и забрались под него. Там было сухо.

– Горяченького бы попить... Давайте разведём костёр.

– Неплохо бы, – согласился Иван. – Только надо найти место незаметней.

– Эй! Здесь провал! – послышался крик Негра из-за камней под карнизом.

Негр стоял за каменными глыбами и фонарём освещал провал и полого спускающуюся в его глубину каменную кручу.

– Вань, а не в этот ли ход надо нам идти? – спросил подошедшего Ивана.

– Не знаю... Карту надо посмотреть.

Однако, на карте стрелка показывала на север, к смутно виднеющемуся у горизонта ущелью. Спустившись на каменную кручу в провале, из сухих веток, нанесённых под карниз ветром, развели костерок, а на большом камне, как на столе, разложили еду и поужинали, запивая кипятком. Спать улеглись тут же, за камнями у провала. Уже засыпая, младший грузчик задумчиво произнёс:

– Знать бы куда мы идём... Всё время навстречу солнцу... Уже и граница скоро... Не за Урал ли?

– Неплохо бы... Да только вряд ли... Не мечтай зазря, – ответили ему.

Среди ночи Ивану показалось, что пролетел аэролёт, но когда утром он сказал об этом, то оказалось, никто ничего не слышал.

По поросшему лесом неглубокому пологому ущелью шли, задирая головы и рассматривая деревья на вершинах гор. Среди них были высокие стройные и ели, и берёзы, и сосны. Они останавливались и, рассмотрев очередную сосну, продолжали идти дальше.

– Вон она! – указывая рукой, наконец, радостно воскликнул зоркий младший грузчик, когда вышли к повороту ущелья.

На голой скале, выделяясь на фоне неба, стояла одинокая сосна.

Найти вход в подземелье оказалось непросто. В его поисках два дня они ползали под скалой по камням, а ночевать уходили в провал под карнизом. Эти два дня погода была солнечной, а на третий стала портиться и во второй половине его, когда они, заглядывая под каждый камень и сдвигая те, что были под силу, ползали по склону, пошёл сильный с ветром дождь. Пришлось спрятаться за торчащей из земли каменной глыбой. Дождь всё усиливался и, спустя какое-то время, Иван заметил, что возле них земля почти сухая, тогда как недалеке по склону вода ручьями стекает на дно ущелья. Промелькнула смутная догадка, и он под дождём и вет-

ром полез по склону выше того места, где они сидели. Вскоре на середине склона, точно под сосной, он обнаружил ручейки воды между камнями и щебёнкой просачивающиеся под землю. Когда дождь прекратился, стали разбирать завал и к началу ночи через проделанную дыру уже забрались в подземелье на полого спускающуюся каменную кручу.

* * *

Аэролёты больше не прилетали. Из-за наступивших заморозков уменьшилась опасность, что в ущелье сбросят насекомых биороботов-убийц. Люди немного осмелели. Каждый день диакон давал бригадам задания: мужчины обустроивали мокрую пещеру и складывали печи, а вечерами отправлялись на заготовку дров: отойдя от лагеря, собирали хворост и сухостой. Женщины натащали вороха листьев и занимались сбором грибов и еловых шишек. В лесу грибов было много и, сберегая продукты, питались исключительно ими.

Надежда на возвращение отряда разведки угасала с каждым днём. Бессонными ночами диакон ломал голову: что делать, если отряд не вернётся? Боясь заболеваний, он для тех, кто выходит из пещер, приказал собрать общую дежурную тёплую одежду. Радовался, что есть лекарства, и с теплотой думал, что, в случае нужды, грамотная Катя сможет применить их так, как положено.

Детей трудно было удержать в пещерах, когда рядом стоял лес, хотя и облетевший, но живой, настоящий, с устилающими землю шуршащими золотыми листьями. Диакон поручил Кате устроить школу, обучать детей грамоте.

– На каком языке?

– На нашем...

Вооружившись древесными угольками, дети старательно выводили на дощечках буквы. Рядом присаживались некоторые взрослые. Не пропускала ни одного урока милая молоденькая Девушка с доверчивым взглядом лучистых глаз. Серые пещерные сумерки, серые камни, испачканные углём серые личики детей... В голове Кати, прохаживающейся за спинами учеников, склонившихся над дощечками, и поглядывающей, как у них получается, бродили тягостные мысли. Чтобы отогнать их, она вспоминала напутственную проповедь батюшки о грехе уныния и заставляла себя верить, что Иван жив, вернётся.

Неожиданно в сопровождении церковного чтеца пришли Бригадир с Хозяйкой и Аннушкой, а вместе с ними два мальчика и бригадирова сестра с мужем, у которых она гостила на Троицу. Теперь с Катей были близкие люди.

Бригадир рассказал, что завод работает, прежнего управляющего уволили, на завод привезли невольников, а распоряжаются там всем каратели.

* * *

В этом штреке ход был свободен от камней, но попадались кучи металлических обломков.

– Скреперы. Механизмы для подъёма руды, – рассмотрев, пояснил Негр.

Потом под ногами быстрым ручьём заструилась вода: на поверхности опять шёл дождь. Из наклонно спускающейся выработки вышли в устье горизонтального штрека. Между камнями на его подошве стояла вода. Местами было глубоко, по колено. Медленно брели по воде и через какое-то время заметили, что стало мелеть. Вскоре дошли до бокового отвода с уклоном, по которому вода стекала на нижний горизонт. Дошли до сухого места, вылили из обуви воду, выжали одежду. Как люди уже опытные, дальше шли придерживаясь того бока выработки, из которого должен находиться выход на поверхность, и наконец дошли до входа в наклонно поднимающуюся горную выработку. Достали карты, стали сверяться. Перед нуж-

ным отводом должен был находиться ещё один отвод, в который идти не следовало: на карте перечёркнутая стрелка. Поспорили нужный ли это отвод, ведь они долго шли по воде в отдалении от бока выработки и могли пройти мимо. Иван, в конце концов, решил:

– Придётся проверить, куда этот отвод ведёт.

Чем дальше они поднимались по отводу, тем ощутимее было движение воздуха, а это означало, что приближаются к открытому выходу на поверхность. Впереди показался тусклый свет. Они уселись на камни, чтобы отдохнуть и посоветоваться, что делать дальше, ведь кто знает, куда они пришли. Негр первым почувствовал какое-то шевеление, включил фонарь, осмотрел пространство вокруг них, а затем направил луч вверх. Над ними в толстом слое свисающей паутины на суставчатых мохнатых лапах копошились большие чёрные пауки. Поспешно вскочили и отбежали от этого места. Держа наизготовку оружие, пошли медленно, крадучись. Когда впереди уже светился проём выхода, из-под ног, неожиданно, прошмыгнула и юркнула в вертикальную щель крыса. Остановились. Иван осторожно подошёл к щели. На ярко освещённом солнцем входе в выдолбленную в горе большую нишу увидел сидящего на камне клона. Его нетрудно было узнать по низкому росту, непомерно широким плечам, маленькой круглой головке, мускулистым коротким кривым ногам и бочкообразному туловищу. Несмотря на позднюю осень, на клоне были только шорты, а на их ремне висело оружие. Весело скалясь, клон по одному вытряхивал из мешка пауков и кормил ими крыс, снующих возле его ног. Крысы набрасывались на пауков и вмиг разрывали на части. Прикинув в темноте к щели, Иван наблюдал. Внезапно клон перестал забавляться с крысами, поднял голову и насторожился. Понимая, что медлить нельзя – у клонов обострённое чутьё, Иван прицелился и через щель полоснул лучом. Даже не вскрикнув, клон повалился, дымясь. Почуввав запах крови, полчище огромных крыс из-за камней устремилось под карниз. Возбуждённо копошащаяся их масса с писком набросилась на труп.

Откуда-то появился ещё один клон и, глядя на происходящее, растеряно застыл, но быстро исчез и вскоре появился вместе с человеком. Остолбенев, человек потрясённо наблюдал жуткое и мерзкое зрелище. Клон испугано приник головой к груди человека. Тот, успокаивая, гладил его по спине. Клоны не могли существовать без своих воспитателей: у них, искусственно созданных, не было души, и, кроме естественных потребностей организма, они не имели собственных желаний.

Вынув из кармана аппарат, человек прокричал в него:

– Докладывает восьмой. У нас взбесились крысы! Нужна помощь!

Выдернул из-за пояса лучевое оружие и его огнём стал полосовать по крысам, а те, бросившись врассыпную, карабкались по каменной стене, лезли друг на друга возле щелей, несколько прошмыгнули между ног Ивана и с писком скрылись в темноте. Клон захныкал: крысы были любимой забавой клонов.

– Уходим, – шепнул Иван.

В темноте торопливо зашагали назад. Без остановок спустились в штрек и без отдыха долго уходили по нему подальше от опасного места. На отдыхе Негр с младшим грузчиком рассказали о клонах, специально натренированных для охраны людей, ненавидящих всех, кроме своих отцов-воспитателей, которым преданы, как собаки, и о живущих в подземельях крысах и пауках, поедающих друг друга. Крыс охрана использует для устрашения и наказания каторжан: в отсек отряда, не выполнившего норму, ночью выпускают их из клеток.

По тому, что после выхода к пограничному посту маршрут по-прежнему лежал на восток, ими всё больше овладевала безумная, невероятная догадка, что идут они к своим, за Урал. Разговаривать об этом не отваживались, но каждый думал, что, вероятно, за каменной толщей над ними проходит многокилометровая пограничная полоса и ещё не известно, что может случиться на этом опасном участке.

На подходе к указанной на карте последней штольне, в штреке опять растекались, как озёра, огромные лужи, но, боясь не заметить проход в неё, отходить от бока выработки опасались и шли, то перебираясь с камня на камень, то вброд. Наконец дошли до широкого прохода и, от усталости механически переставляя ноги, по наклонному подъёму добрались до сухого места, а там повалились и некоторое время лежали, не в силах снять с себя обувь и одежду, чтобы обсушиться.

Когда после отдыха собрались идти дальше, степенный мужик из семейных сказал то, о чём, втайне от других, тревожился каждый:

– Мужики, давайте вместе помолимся, чтобы нам выбраться на поверхность.

...Штольня была свободна от камней, воздух был сух и неподвижен, и это тревожило. Шагали молча, не перебрасываясь, как обычно, словами. Наконец подошли к перекрывшей проход стене, к кладке каменных плит. Столпившись, следили за скользящим по ней лучом мощного фонаря, заряд которого так берёт Иван.

– Не пройти... – махнул рукой степенный мужик.

По-мальчишески всхлипывая, заплакал младший грузчик.

– Не паниковать! – сурово прикрикнул Иван. – Выберемся. Надо думать.

– Что тут придумаешь...

– Пути назад нам нет. Отдохнём и будем думать, что делать, – приказал Иван. – Через завалы проходили и здесь пройдем, – голос его звучал уверенно, но от отчаяния заломило в висках.

Осмотр швов с помощью фонаря ничего не дал. Тогда зажгли лучину и, медленно передвигаясь с ней вдоль швов, по колебанию огонька стали искать неплотности. Но это тоже не дало результата; и тогда наметили место в стыке между плитами, в которое будут долбить.

Много времени отняли приготовления. Чтобы найти что-нибудь металлическое, пришлось возвращаться в штрек, и долго собирать там куски труб и металлические части какого-то полуистлевшего оборудования, а потом, нагрузившись ими, опять брести по воде и подниматься по наклонной штольне. Ржавые железки крошились, сгибались, камни, которыми их забивали, приходилось собирать по всей штольне. Наконец, в соединении между плитами пробили дыру; в неё хлынул холодный сырой воздух. Они стояли у дыры и пытались что-нибудь разглядеть за каменной кладкой. В надежде, что заметят, к трубе привязали рубаху и просунули в дыру.

Есть им было уже нечего, силы были на исходе.

* * *

На пульте наблюдения за пограничной полосой сработала звуковая сигнализация и на экране обзора, возле белого пятна на каменной кладке стены, замигал огонёк. «Наверное, ветром занесло лист бумаги» – подумал дежурный офицер, но всё же сообщил об этом командиру дежурного взвода.

Сержант с солдатом поднялись по пологому склону к кладке замурованного выхода и обнаружили торчащий из неё кусок ржавой трубы с привязанной к её концу грязной белой рубахой. Просунув в отверстие рядом с трубой переговорное устройство, стали прислушиваться к тому, что происходит за стеной.

В гулкой тишине штольни вдруг громко раздалось на русском языке:

– Кто вы такие? Отвечайте!

Сидевшие прислонясь к стене, они онемели.

– Кто вы? Отвечайте! – прогремело опять.

После замешательства вскочили, озираясь, не понимая, откуда спрашивают, закричали:

– Свои! Из-за Урала! Мы свои! Выручай! Свои мы, свои!

– Ждите, – прозвучало громко, когда они, накричавшись, умолкли.

Прошло около часа, показавшегося им вечностью, и опять громко было приказано:

– Отойдите подальше от кладки и возле стены ложитесь вниз лицом.

Минут через пятнадцать раздался хлопок, поднявший облачко пыли, и в нижней части кладки образовался проём.

– Выбросьте оружие, и, подняв руки, выходите по одному.

Измождённые, оборванные, заросшие бородами и грязные, подняв вверх в кровь сбитые руки, они выходили из неровного проёма к удивлённо рассматривающим их молодым бравым солдатам, один из которых уже увещался их оружием, двое других держали наизготовку небольшие лазерные пистолеты, а ещё один, укладывал в сумку подрывное устройство.

С неба сыпала осенняя морось, в рваной одежде и обуви сразу продрогли; но, не замечая этого, в окружении солдат шагали по склону к поджидающему на дороге электромобилю, и не могли прийти в себя от ликующего чувства счастья.

Привезли на заставу, накормили, отвели в баню, переодели в солдатское обмундирование и повели к начальнику заставы. Войдя за сопровождающим в просторный, по-деловому уютный кабинет, оробев, несмело подошли к столу. Сидящий с торца стола командир улыбнулся:

– Присаживайтесь.

Уселись, степенно сложив на столе руки.

– Русские?

– Русские, – закивали.

Командир расспросил, из каких они мест, как им удалось дойти, очень заинтересовался картой маршрута, а в заключении сказал:

– О вас уже доложено. Скоро приедут гражданские и займутся вашим устройством.

Тогда они все разом заговорили, что оставаться им здесь нельзя, нужно возвращаться. Их ждут. Почувствовав в Иване старшего, командир приказал ему:

– Докладывайте, почему вам нужно вернуться?

Иван коротко объяснил. Командир ненадолго задумался, а потом распорядился:

– Оставьте карты. Всем отдыхать. А вы, – обратился к Ивану – оставайтесь.

Командир вызвал адъютанта и что-то приказал ему. Иван сидел за столом, рассматривал кабинет и не мог поверить, что все происходящее не сон.

В кабинет вошёл уже немолодой бравый офицер. По тому как хозяин кабинета поспешно вышел из-за стола и, вытянувшись, отдал ему честь, Иван догадался, что это старший офицер – командир полка, как узнал он позже. Поднялся со стула и Иван. Командир полка, приветствуя, пожал ему руку:

– Поздравляю с прибытием, – и сел по другую сторону стола напротив Ивана.

– Доложите: откуда пришли, где взяли карту маршрута, как удалось дойти, почему нужно срочно вернуться.

Пытливо вглядываясь в лицо Ивана, командир внимательно слушал. Когда Иван кончил говорить, уточнил, сколько людей ждёт в пещерах, сколько среди них детей, женщин и мужчин, как все одеты, какие у них имеются продукты питания, есть ли оружие.

– Идите отдыхать и не беспокойтесь: поможем вам.

Иван встал и низко, в пояс, поклонился, как слэйвы кланялись управляющим слэйвун-хаусов, когда те приезжали в деревни.

– Отставить! – скомандовал командир полка и вышел из-за стола, подошёл к Ивану:

– Вы командир отряда?

Иван кивнул.

– Командир должен отвечать – есть! А не кланяться! – улыбнувшись, похлопал Ивана по плечу.

– Есть! – радостно вытянулся Иван.

– Толковый парень. Совсем неграмотный, а какая смётка! – одобрил, когда Иван, сопровождаемый адъютантом, вышел из кабинета.

– Я тут прикинул: более сорока километров они прошли под землёй, да плюс пятнадцать по поверхности, – командир заставы поднял голову от самодельной карты.

– Это если по прямой?

– Да, если по прямой... не плутая.

Командиры, взяв по дощечке, принялись подробно изучать карту маршрута.

– Обратите внимание, как точно указан путь из одной системы горных выработок в другую. Составить такой маршрут невозможно, не имея на руках карт древних подземных выработок. Почему мы ничего не знаем об этом маршруте? Нужно запросить архив: когда выходили по нему люди.

– Может быть, где-то и карты древних выработок сохранились... Надо бы поискать их на месте пещер.

– Ну что ж, – деловито произнёс командир полка, – надо сообщить командующему и думать, как помочь людям пройти этот путь, прийти живыми.

Иван вошёл в отведённую им комнату. Все спали крепким тяжёлым сном. Младший грузчик и во сне плакал, бормотал что-то. «Совсем выбился из сил... Спасибо, в пути не сломался... Мальчишка ещё!», – подумал о нём Иван. Он лёг в мягкую чистую постель, в какой не спал никогда в своей жизни, и мгновенно провалился в сон. Когда выспались, их отвели в медпункт. Несмело озираясь в стерильном кабинете, изумленно рассматривали блестящее никелированное оборудование и старались всё запомнить, чтобы потом рассказать своим. Здесь им было всё ново, непонятно, удивительно и, как детям, все хотелось рассмотреть и потрогать. Их быстро осмотрели, просветили, прослушали, и врач каждому назначил индивидуальный режим восстановления сил. Озабоченность вызвал младший грузчик – ему еще не было восемнадцати лет, и силы его были подорваны.

К ним пришел священник. Во все глаза они рассматривали старца – ухоженного, с седой окладистой бородой на красивом холёном лице, в дорогой сутане. Он им показался добрым барином из сказки. Их батюшка – старенький, измождённый, в поношенной штопаной рясе – такой простой и добрый, был ближе и родней. Священник спросил:

– Все ли крещены, – и глянул на Негра.

– Все. А как же..., – загомонили вразнобой, вытаскивая из-за пазух самодельные жестяные крестики.

– Ну, коли все крещены, все свои – православные, так и пойдёмте в церковь, помолимся все вместе.

Белая с золотым куполом, снаружи кажущаяся небольшой, а внутри оказавшаяся высокой и просторной, церковь ошеломила красотой позолоченного иконостаса, строгостью ликов на иконах, прекрасной росписью стен и купола, множеством горящих свечей. Младший грузчик, как вошёл, огляделся, так и ахнул:

– Град-Китеж!

Всю службу он простоял на коленях, утирая рукавом набегающие слёзы.

После службы солдаты не расходились, толпились в церковной ограде, поджидали, когда выйдут из церкви, пришедшие из-за Урала. Всех восхищало что, пройдя такой опасный, долгий и трудный путь под землёй, эти люди готовы снова пройти его. К командиру заставы один за другим приходили солдаты с просьбой послать добровольцем в помощь беженцам.

Когда в сопровождении священника они из церкви вышли на ступени паперти, солдаты, не сговариваясь, вытянулись и дружно взяли под козырёк. Вначале они растерялись, а потом Иван протянул руку стоящему рядом солдату, и все принялись крепко жать им руки. Солдаты сопровождали до самого корпуса, где их разместили, всем хотелось поговорить с ними, но подошёл командир:

– Товарищам надо отдыхать. Разойтись!

Командование приняло решение вывести из-за Уральского хребта большую группу беженцев и одновременно, ввиду его стратегического значения, изучить маршрут следования.

Ивана вызвали к командиру заставы. Кроме командира, в кабинете находился среднего роста стройный крепкий офицер, годами не старше самого Ивана. Командир представил:

– Иван, познакомьтесь с командиром разведчиков, которые пойдут с вами.

Цепко вглядываясь друг в друга, пожали руки, а потом долго обсуждали детали похода. Ивана удивляло, как разведчик быстро, на лету, всё схватывает и задаёт вопросы о мелочах, на которые он и не обратил внимание.

Возвращались Иван и двое мужчин из семейных. Улегшихся пораньше, их ночью разбудили. Экипировались в лёгкую, не стесняющую движений одежду с множеством карманчиков, заполненных необходимыми предметами. Иван обул специально для него сшитые ботинки. Водрузив на спины рюкзаки, попрыгали: проверили, не гремит ли что-нибудь. Каждому вручили карту маршрута, нанесённую на специальную бумагу; объяснили, что в случае опасности, её нужно положить в рот, и она моментально растворится.

Пришёл священник, благословил уходящих. Разбудили Негра и младшего грузчика. Крепко обнялись.

– Возьмите и меня, – неуверенно попросил младший грузчик.

– Сынок, ты будешь мне помогать – таков приказ командира. И за них будешь молиться... – ласково обратился к нему священник.

Глава третья

Спуск начали в составе отряда разведчиков, возглавляемого командиром. Когда по штольне спустились в штрек, там их уже поджидали солдаты этого отряда под командованием сержанта, спустившиеся заранее, чтобы подготовить проход по выработке.

...На трудных участках командир оставлял бойцов с заданием подготовить путь к предстоящему передвижению беженцев и составить карту со всеми шурфами, штольнями, бремсбергами⁶, проходами и тупиковыми забоями. Остальные, разделив между собой часть поклажи остающихся, двигались дальше.

Передвигаться в горных выработках по особенно опасным верхним горизонтам с их в сотни метров ямами-рудоспусками; пробираться по каменным завалам; протискиваться через узкие проходы; преодолевать вброд или вплавь подземные водоёмы; по остаткам кирпичной кладки подниматься или спускаться в крутых шурфах или в вертикальных шахтных стволах⁷, для тренированных разведчиков было делом привычным. Этот маршрут оказался не из лёгких, и, вызывая уважение к спутникам, солдат удивляло, как они смогли пройти его почти без света, скудно питаясь, имея на руках лишь примитивную карту. Особенно по душе солдатам пришёлся Иван – сообразительный, терпеливый, молчаливый.

К концу пути двигались уже небольшим отрядом, в котором из разведчиков остались только командир и солдат. Горбясь, каждый нёс по огромному рюкзаку.

Подошли к узкому проходу в пещеры, сложили в кучу рюкзаки. С собой взяли только оружие. Прошли через проход и, миновав тёмный участок пещеры и спящих мужчин, вошли в первую пещеру. Там, при слабом свете лучины, выхватывающем из темноты небольшое пространство над столом, положив голову на сложенные на столе руки, спал диакон. Подошли, тронув за плечо, разбудили.

– Наконец-то... Живые... – поднялся тот, крестясь и обнимая каждого.

Заметил их одежду и, проглотив ком в горле, потрясенно и радостно выдохнул:

– Значит, дошли?! – опять истово закрестился. – Слава Тебе, Заступница! – руки его тряслись.

По тому, как он поседел и осунулся, было понятно, сколько он пережил и передумал, дожидаясь их...

– Знакомьтесь, – горделиво указал Иван на разведчиков, стоящих поодаль, в темноте, и спокойно наблюдающих за их встречей. – Наши люди из-за Урала!

Иван и его товарищи ушли во вторую пещеру, к своим близким, а разведчики, включив мощный фонарь, уселись за стол. Напротив, не спуская с них счастливых глаз, сидел диакон, еще не до конца пришедший в себя от потрясения.

– Ну, что ж, не трата времени даром, займёмся делом? – улыбнулся ему командир.

– Услышал Господь наши молитвы! – широко перекрестился тот, а потом добавил: – чуток подождём с делами. Пойдёмте к людям..., то-то им будет радость – увидеть вас, господа.

– Товарищи, – поправил разведчик.

– Товарищи..., – задумчиво покрутил головой – Хорошо-то как...

⁶ Бремсбёрг – подземная наклонная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность и служащая для спуска грузов с вышележащего на нижележащий горизонт.

⁷ Ствол шахтный в горном деле – вертикальная подземная горная выработка, имеющая непосредственный выход на земную поверхность и предназначенная для обслуживания подземных работ.

Беженцы вскакивали с подстилок, в радостном возбуждении окружали вернувшихся и не заметили подошедших диакона и разведчиков.

– Миряне, – обратился диакон. – Миряне! – повторил громче.

Гомон стих, все обернулись.

– К нам пришли товарищи из-за Каменного Хребта, чтобы вывести из неволи...

Люди затихли и глядели во все глаза. В тусклом свете лучин к разведчикам были обращены лица: красивые – молодых и серые, стёршиеся – пожилых людей, распахнув глаза, с восторгом глядели дети, восхищенно сияли глаза юной Девушки.

Неожиданно для разведчиков один за другим беженцы стали опускаться на колени, склоняя головы. Солдат заметил, как молоденькая девушка тоже порывается встать на колени, но стоящая рядом высокая красивая женщина удерживает её.

– Ну, чего повалились? – добродушно произнёс диакон.

– Так ведь новые господа..., – отозвался женский голос.

– У наших за Хребтом господ нет...

– Как же так? – не унималась женщина

– Без господ живут. По совести. По-товарищески. Вставайте...

Лагерь охватило радостное волнение. А за столом проходило совещание. Командир разведчиков и Иван рассказывали начальнику лагеря о трудностях, подстерегающих их в пути, сообщили о принесенных и оставленных возле прохода в пещеры оружия, одежде и высококалорийных продуктах. Было решено, не медля, готовиться в дорогу. Когда всё было продумано и оговорено, командир разведчиков обратился к диакону:

– Мне необходимо сделать снимок карты в нише и поискать тайники: возможно, где-то здесь спрятаны карты подземных выработок. А еще нужно сделать карту маршрута от ущелья до церкви и завода.

– В нишу вас отведу я. А в церковь поведёт Ваня...

Пока командиры в поисках тайника обходили все закоулки в пещерах, а затем отправились в нишу, Иван лежал на одеяле поверх кучи листьев и отдыхал перед походом в церковь. Рядом сидела Катя, теребила его волосы, он брал её теплую шершавую ладошку, целовал, подкладывая себе под щеку.

Радостное возбуждение первых часов встречи – лихорадочные, жадные расспросы и восторженные рассказы – улеглось, сменилось деловой и тревожной подготовкой к длительному и опасному походу. Все притихли, посерьезнели и только неугомонные ребятишки бегали и в сумерках пещеры играли в войну и ссорились: каждый хотел быть русским солдатом из-за Каменного Хребта, и никто не хотел быть карателем, абсом.

Диакон довёл командира до ниши и, пристроившись в облетевших кустах на камне возле лаза в нее, стал ждать. Лёжа на спине, командир сделал снимок карты со всеми надписями, отметками уровней, направлений движения, ширины и высоты проходов, затем вынул из нагрудного кармана небольшой прибор и стал водить им по стенам, низу и потолку ниши. На соединении низа с боковой стеной обнаружил полость и позвал диакона. В тесном пространстве ниши они с трудом вынули хорошо пригнанную небольшую каменную плиту и из тайника вынули отрезок трубы, герметично запаянный с обоих концов. А вернувшись в пещеры, из трубы извлекли свернутые в трубку от времени хрупкие листы бумаги.

– То, что вы искали? – диакон заинтересовано наблюдал, как разведчик осторожно перебирает сухие листы карт.

– Да! – улыбался разведчик. – Благодаря вам, одно задание, выполнено!

Шагая по туннелю в сторону церкви, командир поглядывал на прибор, пристёгнутый к запястью левой руки. Фиксируя ширину и высоту прохода, расположение отдельных участков относительно частей света, расстояния между отводами и поворотами, нажимал кнопки, и по ходу передвижения на миниатюрном экране вырисовывалась микрокарта маршрута.

Батюшка никак не ожидал гостей.

– Господи, – крестился он, – радости-то сколько! – и морщинистыми руками все трогал плечо разведчика, будто не верил свои глазам.

Дождались темноты и отправились на разведку к заводу. Выбрав удобное возвышенное место, разведчик через прибор ночного видения фотографировал и фиксировал на приборе огражденный периметр завода, производственные корпуса, общежития, у входа в которые стояли постовые, складские помещения, административный корпус и аэролёт на площади перед общежитиями.

Прощаясь, батюшка крестил их, а из старческих глаз текли и терялись в седой бороде слёзы.

– Мы вернёмся, отец, – растроганно говорил разведчик, прикладываясь к батюшкиной руке.

– Верю, сынки, верю. Мы дождёмся.... Не мы, так наши могилы...

Разведчик и Иван, вернулись глубокой ночью. Нашли диакона, доложили о прибытии. Их накормили грибным супом. Прошли в мужской угол второй пещеры. Там горел костерок, дым от него собирался под потолком и незаметными струйками просачивался в ущелье. Вокруг костра собрались мужчины, а молодой бригадир зять наяривал на гармонии.

– Эх, взвейтесь, соколы орлами! Хватит горе горевать! – вскочил невысокий кряжистый мужик и под всеобщее одобрение пустился в пляс, хлопая ладошами по груди, по коленям, по каблукам.

Разведчик и Иван мимо них прошли к месту, где спали Бригадир с племянниками и улеглись на листья рядом с ними. К костру подошла женщина:

– Утомонитесь, мужики, не то беду накличете.

Иван удобней приспособил натруженную ногу и сразу уснул, а офицер лежал и слушал, как возле костерка мужественно и слажено поют: «чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной». В песне этой звучали и русская раздольность, и русская тяжкая судьба.... Отдохнул и отправился в первую пещеру к начальнику лагеря.

Сидя за столом при ярком свете фонаря, командир и диакон долго обсуждали, как организовать переход. Было решено один день посвятить сборам, а уж утром следующего дня отправиться в путь.

– Пусть люди перед походом хорошенько отоспятся.

– А они не спят – поют и пляшут, – улыбнулся командир.

Диакон глянул удивленно, потом улыбнулся и махнул рукой:

– Помирать, так с музыкой!

Командиру нравился этот умный властный дядька.

Еще до наступления рассвета дежурные начали будить людей:

– Поднимайтесь, пора.

Когда все проснулись, диакон объявил:

– На молитву, миряне, – и повел в церковный угол пещеры.

Вместе со всеми, молились и воины Русской Армии. В заключение молебна диакон благословил всех и приободрил:

– Молитесь и верьте, что Господь не оставит нас в беде, выведет из неволи. «Спаси, Господи, люди Твоя.»

Глава четвертая

Засыпали камнями следы своего пребывания в пещерах и стали собираться в путь. Поверх своей одежды все надели принесённые из-за Урала не продуваемые лёгкие комбинезоны, поверх своей обуви натянули высокие непромокаемые тонкие, но очень прочные сапоги, на плечи повесили котомки с пищевыми калорийными плитками. Диакон приказал выстроиться и осмотрел каждого. Нищие люди неохотно расставались со скарбом, но он разрешил оставить только одеяла и подстилки. Зять Бригадира вытащил из заплечного мешка гармонь, поставил её возле ног. Диакон посмотрел на гармонь, поднял глаза на её хозяина:

– Жаль бросать.... Донесёшь?

Тот обрадовано закивал.

Прочитали «Отче наш», перекрестились, и с зажжёнными фонарями в руках цепочкой пошли по пещере к проходу в горную выработку. С иконой, подвешенной на груди, первым в проход вошёл диакон.

По узкой штольне вышли в широкий штрек. По мере продвижения, к отряду присоединялись солдаты, оставленные на участках маршрута для составления карт, поэтому шли уверенно, без блужданий и в местах, наиболее удобных для прохода.

Когда вошли в штольню, выводящую на поверхность, устроили длительный привал. Приготовили горячую пищу, обсушились и хорошо выпались.

Чтобы незаметней пересечь долину, посоветовавшись с диаконом, командир принял решение разбить всех на два отряда. В первый, более многочисленный, возглавляемый им самим, он включил родителей с детьми и малосильных женщин и мужчин. Во второй, под командованием сержанта – тех, кто способен быстро и без остановок пересечь долину. Включил в него и Катю с Девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.